

А. В.
АМФИТЕАТРОВ

Избранное

Александр Валентинович Амфитеатров

Подвальные барышни (Женское нестроение #5)

«Поѣздъ мчался. Въ тѣсномъ задверномъ углу третьекласнаго вагона, съ промерзлымъ добѣла окномъ, было холодно, тускло, слѣпо. Фонарь безпокойно мигаль оплывшею стеариновою свѣчею, въ вентиляторѣ пѣлавьюга. Я лежалъ на жесткой скамьѣ, вытянувшись навзничъ, руки за голову, въ дорожномъ отупѣніи очень далеко и по скучному дѣлу ѣдущаго человѣка, безъ мыслей, безъ вниманія. Бываетъ такое милое состояніе души и тѣла, когда не ты управляешь своими пятью чувствами, а они управляютъ тобою, и глядишь, и видишь ты передъ собою не потому, что есть воля и охота смотрѣть, а только потому, что глаза во лбу есть, зрительный аппаратъ работаетъ; слышишь не то, что интересъ велить слушать, но что само въ уши лѣзетъ...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Александр Валентинович
Амфитеатров
Подвальные барышни**

Поездъ мчался. Въ тѣсномъ задверномъ углу третъекласснаго вагона, съ промерзлымъ добѣла окномъ, было холодно, тускло, слѣпо. Фонарь безпокойно мигаль оплывшею стеариновою свѣчею, въ вентиляторѣ пѣлавьюга. Я лежалъ на жесткой скамьѣ, вытянувшись навзничъ, руки за голову, въ дорожномъ отупѣннѣи очень далеко и по скучному дѣлу бѣдущаго человѣка, безъ мыслей, безъ вниманія. Бываетъ такое милое состоянiе души и тѣла, когда не ты управляешь своими пятью чувствами, а они управляютъ тобою, и глядишь, и видишь ты передъ собою не потому, что есть воля и охота смотрѣть, а только потому, что глаза во лбу есть, зрительный аппаратъ работаетъ; слышишь не то, что интересъ велить слушать, но что само въ уши лѣзетъ.

Въ вагонѣ было очень пусто. Купецъ въ лисѣей шубѣ, который, когда ввалился къ намъ на глухой, промежуточной станціи плюхнулся на скамью, всю ее покрывъ полами, и остолбенѣлъ, какъ сидячій идолъ: спалъ ли онъ или просто застылъ въ торжественномъ сознаніи своего капиталистическаго

величія, — кто его знает? Приказчикъ при купцѣ, — тощій, задерганный малый, не спускавшій съ своего владыки бессонныхъ, собачьихъ глазъ. Захолустный протопопъ, возвращавшійся восвояси изъ дѣловой столичной побывки: онъ отъ самага Петербурга какъ залегъ, гора-горой, подъ мѣховую рясу, такъ и храпѣлъ теперь вотъ ужъ двѣсти восемьдесятъ вторую версту. И, наконецъ, два жандарма, по даровымъ билетамъ, въ служебной командировкѣ изъ Питера въ Москву, съ казенными пакетами за обшлагами шинелей. Оба были бравые, здоровые молодцы, съ ярко-свѣтлыми пуговицами, при шашкахъ, съ револьверами на пояскомъ ремнѣ. Они занимали ближайшее ко мнѣ отдѣленіе, и, изъ-за высокой деревянной спинки скамьи, внятно гудѣли ихъ густые голоса — теноровый баритонъ и басса-профундо. Рѣчь шла о какомъ-то вахмистрѣ, какъ онъ «сталъ черезъ то въ своей жизни несчастенъ, что дочь въ гимназію отдалъ».

— Отдать отдалъ, а довести по конецъ свершенія курса — тю-тю, пороху не хватило.

— А наши сказывали: съ состояніемъ онъ,

будто, вахмистръ вашъ?

– Не въ деньгахъ сила. Не деньгами – характеромъ не выдержалъ.

– Забоялся?

– Духомъ упалъ.

– Видите ли!

– Да. Учена, говоритъ, больно стала. Еще подучится – пожелаетъ ли меня, солдата, за родителя почитать?

– Это онъ, ежели хотите знать, довольно резонно.

– Никакого резона не предвижу, потому что дѣвка шла первою изъ класса въ классъ, такъ что ее даже представляли знатнымъ посѣтителемъ, въ качествѣ какъ бы гордость учебнаго заведенія.

– Если знатнымъ посѣтителемъ, то, конечное дѣло, напрасно.

– До пятаго класса вахмистръ душою падалъ и сомнѣніемъ изнывалъ. Ну, а какъ поступила она за успѣхи свои въ пятый классъ и начала происходить науку-исторію, совсѣмъ забоялся вахмистръ: шабашъ! взялъ дѣвку, дома къ печи присадилъ, – помогай матери!

– Ревѣла, чай?

– Не безъ того. А главное: ошибся вах-мистръ въ своемъ вѣрномъ расчетѣ, и теперича у нихъ въ семействѣ самый язвительный адъ.

– Не обыкаетъ къ дому?

– Ни пава, ни ворона. Ни къ дѣвушкамъ, ни къ барышнямъ.

– Замужъ – одно средство!

– Замужъ, съ ейнымъ о себѣ воображеніемъ, – легко ли дѣло? Жениха ей искать, – какой женихъ нуженъ? За шинельную душу хотя бы за нашего брата, унтеръ-офицера; развѣ пойдетъ?

– Да и не къ масти.

– Опять же вѣрное ваше разсужденіе, что не къ масти. Исторію-науку произойдя, какая она, съ подобною фантазіей въ головѣ, можетъ быть своему дому хозяйка? Скажемъ къ примѣру, – васъ взять. Вы бы женились?

– Оборони Богъ!

– То-то и есть. И всѣ такъ. Худы ли, хороши ли, тоже свою амбицію блюдемъ. Никому не лестно предъ женою въ дуракахъ стоять, да глазами на ея образованность хлопать.

– Коли вахмистръ на приданое не скупъ, то можетъ польститься какой изъ господъ. Бываютъ – которые немудряціе и своего достатка не имѣютъ.

– Врядъ ли. Потому что изъ господъ этакъ – очертя голову, ополомъ – великодушно женятся и званіемъ своимъ не брегутъ одни студенты. А студенту вахмистрова дочь не съ руки.

– Не возьметъ студентъ.

– Еще кабы она была доученая. А то пятый классъ. Это для нашего брата, который науку въ казармѣ мѣдными деньгами покупалъ, да и то трехъ пятаковъ не хватило, – образованіе ея, точно, великое. А настоящему господину, ежели студентъ изъ университета или тамъ института что ли путей сообщенія, съ ней окажется довольно даже скучно. Потому что – онъ-то дошелъ, а она не доскочила. Потому что, прикинемъ къ примѣру, – науку-исторію она знаетъ, а до тригометрики али астрелябіи не дошла.

– Не вровень, значитъ.

– Отъ нашихъ отстали – къ вашимъ не пристали.

Послѣдовало краткое молчаніе.

– Лѣтъ-то много? – спросилъ басъ.

– Семнадцатый.

– Изъ себя хороша?

– Картина.

– Фю-ю-ю!

И опять замолкли.

– Свихнется дѣвка, – съ убѣжденіемъ произнесъ басъ.

– Какъ не свихнуться? На ту линію идетъ.

– Соняшу Перфильеву помните?

– Аккуратъ одна модель.

– Намедни Каратайченко встрѣтилъ подъ вечеръ: по Вознесенскому катить, на лихачѣ, въ ротондѣ, перо на шляпѣ, морда крашенная. У моста лошадь что ли закинулась, заминка вышла, – городской подходитъ, замѣчаніе сказалъ. Такъ Сонька-то городовому на слово – десять, да во всю родительскую!

– Господи! какая была скромненькая!

– Такъ и сыпетъ, такъ и бубнитъ. Голосъ хрипкій. Ужъ Каратайченко заступился, а то городской грозился въ участокъ свести.

– Экого родителя дочь!

– Всеё семью разсыропила; совсѣмъ нынѣ

не люди стали! – а, бывало, жили, – сосѣди шапки снимали.

– Пьетъ, поди, Перфильевъ-то?

– Нельзя ему пить: у него четыре медали. А только, что, конечно, – сердцемъ прискорбенъ и даже какъ бы рѣшившись ума. Даже зарѣзаться хотѣлъ.

– Подите жъ!

– Бритву жена изъ рукъ отняла. Потомъ къ генералу былъ требованъ.

– Врете?

– Вѣрное слово. Для утѣшенія. Генераль у насъ добѣръ.

– Входитъ!

– Перфильевъ! – говоритъ: что ты вздумалъ, дуракъ? Грѣхъ! присягъ поруха! Тутъ старика, отъ добраго слова, сердцемъ растопило и въ слезу ударило. – Ваше, сказываетъ, превосходительство! сколько лѣтъ служба, за- всегда радъ былъ начальству стараться: графы, князья Перфильева въ лицо узнавать удостоивали. А теперича единая моя дочь – и та въ развратъ пошла. Возможно ли мнѣ при всемъ томъ жизнью жить? какъ смотрѣть на бѣлый свѣтъ и въ глаза добрымъ людямъ?..

Ажно и генераль, слушаю, вмѣстѣ съ нимъ заплакалъ.

– Дѣло слезное!

Пауза.

– Мерзавецъ-то ейный, который сбившій, – гдѣ теперь?

– Въ Ярославль, сказываютъ. При купчихѣ какой-то богатой: лѣсными дачами управляетъ.

Басъ протяжно и сладко зѣвнулъ:

– О-о-охъ-охъ-хъ!

– Вотъ – сказалъ баритонъ вдумчивымъ голосомъ человѣка, глубоко размышляющаго и отвѣчающаго вслухъ на собственныя мысли, – давалъ мнѣ писарь намедни книжку. Некого графа, Льва Толстого сочиненіе.

– Энтото-то? – заинтересовался басъ.

– Того самаго. И вотъ говоритъ тамъ одинъ на счетъ бабъ: самая вы безпастушная скотина...

– И правда ужъ, что безпастушная. Такъ оно и есть.

– Востро сказано.

– Писатель вострый.

– Лю-ютой старикъ!

– А сказывали; будто онъ – антихристъ?

– Да, вѣдь это – ежели по божественному.

Пауза.

– А, что на счетъ безпастушныхъ, – возвышаетъ голосъ баритонъ, – я такъ полагаю: объѣхать хоть всю Россію, безпастушнѣ этихъ питерскихъ нашихъ подвальныхъ барышень – не найтить.

Басъ, плюнуль и какъ-то свирѣпо даже прогремѣль:

– Одно слово: добыча.

– Добыча и есть. Именно, что ни пава, ни ворона. Корсетъ носить, волосы на лобъ завихрила, лицо руки моетъ благородными мылами, – барышня. Газету читаетъ, въ театръ лазить. Я, папаша, въ Михайловскій манежъ, я, мамаша, въ Фигнеръ – маскарадъ. А въ заправской-то жизни въ подвалъ казенномъ – на пятнадцать серебра родительскаго жалованья. Тутъ те не Фигнеръ – маскарадъ, а было бы на что въ баню сходить. А между прочимъ юбку крутитъ, одеколонъ прыскаетъ, шелкъ, бархатъ въ гардеропъ имѣетъ. На какія сверхсмѣтныя суммы – отпущенія, дозвольте спросить?

– Натурально, что проистекает вспомогательство отъ кавалеровъ.

– Тоже, братецъ мой, вспомогать-то даромъ нонѣ никто тебѣ неохочъ. Вспомогательства эти Соняшекъ Перфильевыхъ въ обиходъ и спускають.

Басъ вздохнулъ.

– Омута подвалы эти, прямо, омута. Дѣвка въ нихъ – что плотица серебряная. А мужчине кругомъ такъ щуками и плаваетъ. И свой братъ служащій, и господа, и вольная приходящая публика. Тому сосѣдка – Машенька, этому – чьихъ будете, барышня? Да – «какой Рабонъ – конфетъ предпочитаете кушать?» Да – «позвольте угостить васъ въ Маломъ Ярославцѣ отбивнымъ котлетомъ»...

– Тѣмъ и пропадаютъ.

– Съ дѣтскихъ лѣтъ въ соблазнѣ. Хоть и не въ углахъ живемъ, а не за каменными стѣнами. Бываетъ, что семья отъ семьи ситцевыми занавѣсками отторожена. Ничего отъ дѣтишекъ не скроешь. Все плотское отъ материнскихъ сосцевъ познають. Каковъ это къ жизни примѣръ? Дѣвчонка въ форму юности возрости не успѣла, – по одиннадцатому,

двѣнадцатому году, – а уже всѣми мальчишками въ корпусѣ оцѣлована. Чего она не узнаеть? Чѣмъ ты ее удивишь?

– Сказывалъ мнѣ агентъ одинъ полицейскій: которыя теперича живутъ гулящія, стало быть, зовутся проститутки, такъ на добрую треть ихъ изъ подвальныхъ выбирается.

– И весьма можетъ быть.

– Которая изъ себя красива, такъ за тою ходебщицы имѣютъ свое наблюденіе чуть не съ ангельскаго возраста. Лѣтъ по пяти стерегутъ, увиваются коршуньемъ, ждутъ своего термину.

– Вотъ бы кого вѣшалъ-то – не жалѣлъ!

– Ходебщицъ? Самая постыдная нація.

Послѣднія слова басъ пробормоталъ уже сквозь сонъ и заключилъ храпомъ... Басъ похрапывалъ, поѣздъ глухо грохоталъ по мерзлomu полотну, а я лежалъ и думалъ о разговорѣ, которой только-что слышалъ.

Термнологія его, быть можетъ, незнакома читателямъ, чуждымъ петербургскаго быта. «Подвальные барышни» – это женское населеніе подземелій, простирающихся подъ

колоссальными казенными домами разныхъ вѣдомствъ и учрежденій: дочери, сестры, племянницы швейцаровъ, курьеровъ, департаментскихъ сторожей и тому подобной служилой мелочи. Женская іерархія служилаго Петербурга (а неслужилый Петербургъ такъ малъ числомъ своимъ, что, рядомъ съ служилымъ, его почти, что нѣту вовсе) дѣлится, какъ давно извѣстно, на три нисходящія категоріи.

Категорія первая: «наши министерскія дамы» – кончая супругою начальника отдѣленія включительно. Категорія вторая: «наши чиновницы, и третья – «жены старшихъ служащихъ» своего рода каста паріевъ, но, все-таки, какая ни есть, каста. Что же касается «подвальной барышни», она развивается уже внѣ этой іерархіи, ниже ея, во внѣкастной безднѣ. Она даже не «прислуга вѣдомства»; она – нѣчто семейно приписанное и числящееся при прислугѣ вѣдомства.

Служба мужчинъ, ютящихся, подобно гномамъ, въ казенныхъ подвалахъ, – хорошая, довольно легкая и обязательно чистая. Она спокойно протекаетъ въ холодныхъ, простор-

ныхъ, свѣтлыхъ залахъ министерствъ, въ сѣро-голубыхъ департаментскихъ корридорахъ, на величественныхъ парадныхъ лѣстницахъ и подъѣздахъ. Отъ людей, къ ней допускаемыхъ, требуется, прежде всего, нѣкоторая декоративность: внушительная, бравая наружность, опрятность, щеголеватость, — дабы человекъ видомъ своимъ начальство отъ себя не отвращалъ, а на публику не наводилъ унынія. Поэтому смѣло можно сказать, что населеніе подземнаго Петербурга, по крайней мѣрѣ, мужское, — изъ красивѣйшихъ физически во всей столицѣ и, конечно, производитъ таковую же породу — потомство: не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, подвалы поставляютъ веселящемуся городу столько жриць демимонда и красивыхъ балетныхъ фей. Декоративная служба создаетъ и декоративный семейный бытъ. Недавній мужикъ или отставной солдатъ, подвальный обитатель перестаетъ быть мужикомъ или отставнымъ солдатомъ, какъ скоро удостоился швейцарской ливреи или курьерскаго мундира съ галуномъ вѣдомства. Онъ — уже, такъ сказать, избранный и превозвышенный изъ

всѣхъ мужиковъ и отставныхъ солдатъ, самъ себя въ такомъ великолѣпїи видитъ и мыслить, самъ о себѣ такъ понимаетъ. И того же високаго мнѣнія о немъ семья, имъ кормимая: Авдѣй Трифоновичъ – не простой человекъ, не «вольный», онъ казенный. У него мундиръ, у него жалованье отъ казны, у него, хоть уголъ, да казенная фатера. Ничего этого у простыхъ и вольныхъ не бываетъ, – стало быть, не простые и мы. Мы выше. Не господа, но почти, какъ господа. А захотимъ натужиться, выжать изъ сундука деньгу, – такъ будемъ и совсѣмъ, какъ есть на господскую стать. И тужатся.

Дочери Евы одинаковы на всѣхъ ступеняхъ общества, во всякомъ рангѣ и состояніи. Мода и подражаніе – законы, управляющіе женскимъ міромъ равно въ шалашномъ станѣ папуасовъ и въ раззолоченныхъ дворцахъ европейскихъ столицъ. Министерскія дамы копируютъ женъ и дочерей министровъ, наши чиновницы – министерскихъ дамъ, жены служащихъ – нашихъ чиновницъ и такъ далѣе, со ступеньки на ступеньку. Этотъ законъ послѣдовательности въ подражаніи,

дойдя до подвальной барышни, создаетъ и для нея искушеніе, повелительное до необходимости – «подходить подъ помощникъ-эксекутору дочь». И, такъ какъ помощникъ-эксекуторова дочь – хоть и плохенькая, – бѣдненькая, а все же «барышня», училась въ гимназіи, играетъ на фортепіано бываетъ въ театрахъ и имѣетъ вечеринки на недѣль, въ родѣ журфиксовъ, «по причинѣ жениховъ», – то и подвалъ тянется изъ послѣднихъ своихъ силъ и средствъ, чтобы доставить своимъ барышнямъ хоть какіе-нибудь суррогаты помощникъ-эксекуторскихъ радостей. Двухголосный вой жены и дочери: ужли пропадать въ необразованіи? – весьма скоро заставляетъ самага неподатливаго вахтера или швейцара расісупорить завѣтную и небогатую кубышку, – да, сколько я замѣчалъ, подвальные отцы и сами любятъ баловать свою молодежь и вести ее на господскую ногу.

Любопытно, что эти слуги казенныхъ учрежденій не любятъ и презируютъ слугъ частнаго найма, избѣгаютъ якшаться съ «лакусами» и считаютъ себя несравненио выше ихъ, какъ «людей продажныхъ». Ставъ слу-

гою казеннаго учрежденія, сторожь или швейдаръ вполнѣ увѣренъ, что онъ «въ люди вышель», а дѣтямъ его иадо выходить ужъ въ «господа». Въ Петербургѣ множество воспитательныхъ пріютовъ, а изъ городскихъ училищъ нѣкоторыя поставлены такъ хорошо, что въ послѣдніе годы имъ стали довѣрять подготовительное догимназическое образование дѣтей своихъ даже многія зажиточныя и вполнѣ интеллигентныя семьи. Казалось бы страннымъ: какъ, наряду съ этими обстоятельными и хорошими учрежденіями, могутъ еще существовать, – при томъ, не прозябая, но процвѣтая, – разные шарлатанскіе и относительно даже недешевые «пансіоны съ музыкой»? Кому они нужны? Кто въ нихъ учится? Однажды я съ рѣзкостью предложилъ этотъ вопросъ содержательницѣ одного изъ такихъ пансіоновъ – дамѣ необычайнаго ума и столь же необычайной безсовѣстности.

– Мы нужны тѣмъ, – холодно и спокойно возразила мнѣ она – кому надо намѣнять на грошъ пятаковъ.

– То есть?

– Невѣждамъ, которыя хотятъ купить сию-

способность казаться образованными въ теченіе пятиминутнаго разговора, «хамкамъ», которыя желаютъ, чтобы ихъ хоть на пять минутъ принимали за женщинъ интеллигентнаго общества.

Какъ убѣдился я въ дальнѣйшемъ разговорѣ, «подвальная барышня» – постоянная кормилица этихъ обманныхъ педагогичекъ. Подите въ какой-нибудь петербургскій публичный маскарадъ, – средней руки, изъ приличныхъ. Если къ вамъ подойдетъ маска съ довольно складною рѣчью, распространяющаяся о чувствахъ по переводному Бурже, ввертывающая въ разговоръ заученныя французскія словечки съ русскимъ, но не совершенно отчаяннымъ произношеніемъ, охотница до стишка между громкихъ фразъ, съ обязательнымъ примѣчаніемъ въ скобкахъ: «какъ сказалъ Лермонтовъ», «какъ, помните, у Надсона», – можете пари держать, что васъ интригуетъ подвальная барышня, только-что покинувшая пансіонъ съ музыкой и не успѣвшая позабыть его недолгой и нехитрой дрессировки. И – увы, ни одна изъ нихъ не можетъ выдержать долгаго инког-

нито, потому что, въ концѣ концовъ, непременно ошибется какимъ-нибудь фатальнымъ «тротуваромъ», «ропертуаромъ», «велисапедомъ» или даже просто ужаснымъ любимцемъ петербургской прислуги – «фрыштикомъ»...

Журфиксы помощникъ-эксекуторовой дочки замѣняются для подвальной барышни Лѣтнимъ садомъ, Таврическийъ, гуляньями Михайловскаго манежа, Народнаго дома. Подвальная барышня, какъ голь, на выдумки хитра: знакомится и дружится съ хористками, статистками, швеями на театрѣ, горничными актрисъ; у нея всегда найдется въ карманѣ театральная контромарка; она, что называется, легла и встала на галеркѣ; она торчитъ за кулисами, вхожа въ плохенькіе клубы, капельдинеры контрабандно пропускаютъ ее въ свободныя мѣста.

– Только для васъ-съ, потому какъ знаю ваше упоеніе къ театру-съ.

Она слышала Фигнера, обожаетъ Съверскаго, надъ ея кроватью пришпилена фотографическая карточка госпожи Бяльцевой. На вечеринкахъ у подругъ она пляшетъ

«миньонъ» и «на-де-катръ» и слѣдить по «Петербургскому Листку», не вышло ли въ свѣтъ новыхъ модныхъ танцевъ, а также – кто названъ «о азаръ» изъ гостей на балу у нидерландскаго посланника и въ какихъ озарныхъ красавицы были туалетахъ.

Фигнеръ отзвучалъ, «миньонъ» оттанцовано... домой! Короткая, волшебная сказка жизни кончена: ждетъ дѣйствительность. Подвальную барышню подвозятъ къ громадному корпусу «вѣдомства». И – быть можетъ, даже на рысакъ... Она вышла изъ саней на углу, добѣжала до воротъ, нырнула въ нихъ, – и вотъ онъ вновь, родимый подвалъ! О, какъ онъ душень, грязень, тѣсенъ! какъ противно храпятъ за перегородками сосѣди! какъ тошны отголоски интимной семейности, наполняющіе эти промозглые вѣковые своды!.. Лежитъ подвальная барышня на своей жесткой и не слишкомъ-то опрятной постели, лежитъ безсонная, нервная, возбужденная, смотритъ въ темноту лихорадочными глазами, думаетъ:

– Да развѣ это жизнь?

– Хр-р... хр-р... хр-р...

– Марья... хр-р... Марья, супруга... Машенька...

– Хр-р... хр-р... хр-р...

– Жизнь-то тамъ, откуда я сейчасъ пришла, а это – чортъ знаетъ, что! Не люди – свиньи... Какъ «онъ» бишь пѣль-то? Да!

Въ блаженствѣ потонули...

Въ блаженствѣ потонули...

– Опять подлецы грязнымъ бѣльемъ весь коридоръ завалили? Продохнуть нечѣмъ...

– Хр-р... хр-р... хр-р...

– Супруга... Машенька...

– Господи! Да неужели же на всю жизнь здѣсь? Нѣтъ, довольно! Нѣтъ больше никакой моей возможности! Уйду я отъ васъ, свиней, уйду, уйду, уйду...

Куда? Да не все ли равно? Лишь бы туда, гдѣ нѣтъ храпящихъ, бормочущихъ, цѣлующихся съ женами сосѣдей, не ревутъ благимъ ночнымъ матомъ золотушныя ребятишки, не пахнетъ мокрыми дѣтскими пеленками и устоявшимися щами... Туда, гдѣ сіяетъ электричество, гремитъ оркестръ, ходятъ нарядныя дамы и стриженные бобрикомъ

мужчины... Туда, гдѣ, если не самъ Фигнеръ,
то, по крайней мѣрѣ, граммофонъ, напѣтый
Фигнеромъ, побѣдоносно вопіеть о двухъ
счастливицахъ, для которыхъ – звѣзды, море и
весь міръ

*Въ блаженствѣ потонули,
Въ блаженствѣ пот-то-
ну-у-у-у-ул-ли...*

1902.